

18+

МАРАТ КАПАШЕВ

Собрание стихотворений в двух томах

ТОМ 1

Марат Капашев

**Собрание стихотворений
в двух томах. Том 1**

«Издательские решения»

Капашев М.

Собрание стихотворений в двух томах. Том 1 / М. Капашев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694226-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Поэзия Марата Капашева лишена внешней
эффектности и нарочитой возвышенности. Его стихи — это внимательное
и честное всматривание в жизнь, где философское осмысление соседствует
с конкретикой повседневных деталей. Это непрерывный внутренний
диалог о времени, ответственности, любви и человеческом выборе. Ирония
и сдержанная сатиричность не разрушают глубину мысли, а подчёркивают
её, придавая стихам ясность, силу и внутреннюю свободу. Книга содержит
нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-694226-4

© Капашев М.

© Издательские решения

Содержание

«Когда улитка выползает...»	9
«Ну почему бы мне не родиться фараоном-...»	11
«Попытка тоста...»	12
«Всё менее ретиво ретивое...»	13
«Капелька вечности на твоей ладони...»	14
«Мимо Рязани и мимо Уфы...»	15
«Как амфоры афинской горло...»	17
«Один, один, но одиночество-...»	18
«Допустим: влюбился, допустим, женился...»	19
«Открыты шлюзы сна...»	20
«А если бы я женился на ней?...»	21
«Любитель книг...»	22
«Ворованное счастье дороже...»	23
«Как будто знают многое про женщину...»	24
«Хочется никем не пройденных дорог...»	25
«Королевы твои постарели давно...»	26
«Быть может, признают потом...»	27
«Время тает в часах электронных, в часах песочных...»	28
«Может быть, от того покраснели уста...»	29
«Пусть сияет твоя доброта...»	30
«Пусть будет скромно, неприметно...»	31
«Я тебя не дёргал за косички...»	32
«Всех снов холодные носы...»	33
«Когда б я жалился Матвею...»	34
«Пусть говорят: любовь слепа...»	35
«Скажу, что ниже всякой критики...»	36
«Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!...»	37
«На сотни каратов мои жемчуга...»	38
«В спираль закручена ракушка...»	39
«Я молю о бутонах глазастых...»	40
«В мою печаль крупинка света...»	41
«На заре ты её не буди» ...»	42
«Скажи мне: от каких невзгод...»	43
«Пришёл однажды мой сосед...»	44
«На свете счастья нет» ...»	45
«Как трещина по хрусталу...»	46
«Какая песня за душою!...»	47
«Закатом сожжёное небо...»	48
«А мне б проснуться на рассвете...»	49
«Нам за любовь дадут бессмертье боги...»	50
«Я думаю — ах, о чём же? ...»	51
«Я знаю, что неравна мена...»	53
«Иду по жизни, как по полю минному...»	54
«Вот бабочка — порхающий цветок...»	55
«Скучен плагиат, как ворованный воздух...»	56
«Всё тик-так...»	57

«Порою комментарии к роману...»	58
«Для бедной мышки...»	59
«Идёт весна...»	60
«Сиял он надеждой...»	61
«Я прощаю всех женщин, прошедших...»	62
«Они сошлись: Кирпич и камень...»	63
«О молодости...»	64
«Сказание о Ленине...»	65
«Во втором сериале...»	67
«Если поезд — значит скорый...»	68
«Жить не по правде, не во лжи...»	69
«Любовь — на кисточке души...»	70
«Валентина, точно птица...»	71
«Весь мир казался мне с горошину...»	72
«Опять все пути замечает порошею...»	74
«Где-то было что-то хорошее ...»	75
«Она плывёт, чуть облаков касаясь...»	76
«Я изнанка добра. Серебра...»	77
«Что же касается тенденций...»	78
«Такова изначально...»	79
«Вопль диспетчера: «Что там?..»	80
«Жизнь, вообще, загадка на загадке...»	81
«Кое-что о башнях...»	82
«Бог дал — бог взял...»	83
«Ночами хороша медитация словом...»	84
«Русское народное стихотворение...»	85
«Пушкин был великим негритянским поэтом...»	86
«Сегодня ощутил впервые...»	87
«Разве любим мы в девушке...»	88
«Я смотрю в высокое небо ...»	89
«Тот, кто будет после меня-...»	90
«Тёмен крест, а пространство сияет...»	91
«Хочешь, тебя я вспомню...»	92
«Я — не гений, ты — не гений-...»	93
«Я знаю: творцом мне не сбыться...»	94
«Обещание...»	95
«Это родина, родина наша-...»	96
«Всегда, везде, в любые времена...»	97
«Всё — мираж: и любовь, да и жизнь...»	98
«Косматые мамонты в голубых пещерах...»	99
«Наше сознание стало кубичным...»	100
«Я многое помню...»	101
«Выходит на орбиту мятежа...»	102
«Обналичим любовь своих ближних...»	104
«Быть нельзя ни в чем уверенным...»	105
«Издалека, издалека...»	107
«Я разный, многомерный, многоликий...»	108
«Цветущие страны...»	109
«Радуга- дуга, над речкой мост...»	110

«Я, бывает, порой и сплеча рубаю...»	111
«Светлая горошина луны...»	112
«Гусару...»	113
«И где-то там, у космонавта...»	114
«Я повторяю вновь и вновь...»	115
«В дни поражений и побед...»	116
«А что у неё там было-...»	117
«Грохочет копытами осень...»	118
«Я, наверно, моллюск...»	119
«В семи меня купали водах...»	120
«Был я бабкой на кону...»	121
«Когда бежала ночь бесславно...»	122
«Памяти Иосифа Бродского...»	123
«Я люблю, обожаю мгновенья...»	124
«Не помню, не помню, не помню...»	125
«Для поэта важна незадача...»	126
«На селе не последний я парень...»	127
«Милая, чудесная...»	128
«Ночами мне снятся аисты Японии...»	129
«И я знавал когда-то счастье...»	130
«Добро должно быть с кулаками» ...»	131
«Как штрафбат из окруженья...»	132
«Одни кончают безумьем...»	133
«В миллионах светящихся саркофагов...»	135
«Первая встреча, она ж и последняя-...»	136
«Жёлтый наждак луны...»	137
«В жизни много нагршили мы...»	138
«Постоянная битва за честь-...»	139
«Иногда бываю я великим...»	140
«В синем платье с жёлтыми цветами...»	141
«Рискни поставить всё на карту...»	142
«Ночь прекрасна, Уснула природа...»	143
«Жизнь-мечтаний, надежд вернисаж-...»	144
«Когда тонула Атлантида...»	145
«Разрывая пургу и пространство...»	146
«Шатается ветер, как пьяный...»	147
«Вот и смолкли великие души...»	148
«Он пил...»	149
«Честно и прямо...»	150
«Быть может, памяти не стоит...»	151
«Как устрица, захлопнется душа...»	152
«Хорошо бы родиться испанцем...»	153
«Гадают всю ночь звездочёты...»	154
«Замолви за меня словечко, Анна-...»	155
«Как часто убегает по ночам...»	156
«Небеса возвращают долги-...»	157
«Отстрелялся и вышел в тираж...»	158
«Я- не поэт...»	159
«Горб топорища весною розов-...»	160

«Жалко такую губить красоту...»	161
«И мне положена, наверное...»	162
«В этот город измена войти не должна...»	163
«Плывёт эскадра капитана Немо...»	164
«Немножко нежности возьми себе в запас...»	165
«Ломалась пополам ладья...»	166
«Водой меж пальцев утекает Дарий...»	167
«Приснится же такое с похмела-...»	168
«Не пожалейте Хлестакова...»	169
«Да, стихи достаются недаром...»	170
«Я был качанием цветка...»	171
«Размочи скупой сухарь вниманья...»	172
«Всё засыпано белой золою зимы...»	173
«Кипящей сепией, сангиной...»	174
«Хорошего враг- лучшее...»	175
«Пусть намертво тиски капкана сжаты...»	176
«Почти безумьем дыша...»	177
«Путь лирики- увы! — совсем не нов...»	180
«Живу не ради я наживы...»	181
«Что поделаешь: жизнь коротка...»	182
«Сто печалей, обид, расставаний...»	183
«Звени, звени, струна...»	184
«Одни стихи- как обещанье...»	186
«Расплескала синеву ромашек...»	187
«Когда отгремели салюты...»	188
«Заплатите налоги-...»	189
«Ночь- это время котов...»	190
«В этом мире пустых обещаний...»	191
«Бабочка лета, яркая, пестроцветущая...»	192
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Собрание стихотворений в двух томах Том 1

Марат Капашев

Редактор-составитель Гульнара Кабдуалиевна Шараборова

© Марат Капашев, 2026

ISBN 978-5-0069-4226-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Когда улитка выползает...»

Когда улитка выползает
Из звона дня-
Куда улитка пропадает?
Вот для меня

Вопрос первее всех вопросов,
Но есть ответ:
Звон дня и день- улитки тоже,
Улитка- нет.

Она- абстракция, скорее,
Верней, макет,
Что нам воображение греет,
А душу — нет.

Она как сущность тех предметов
«Внутри- извне»,
Как отрицание, как вето
Тех, что вполне

Есть примитив, согретый солнцем,
Зимы огнем
И рожками во тьмы оконце,
Влача свой дом,

Стучит скиталица из сути
В иную суть
Мы усмехаемся, как судьи-
Не обессудь,

Лукавое создание божье
Верша побег,
От нас ты убегаешь тоже,
Но свой ночлег

Мы тоже охраняем свято
От суеты.
И в пустоту ползём куда-то

Из пустоты

«Ну почему бы мне не родиться фараоном-...»

Ну почему бы мне не родиться фараоном-
Каким-нибудь Псамметихом двадцать шестым?
Щупая жриц, на Изиду посматривал я бы влюблённо
И думал, что плоть небожественных- жертвенный дым.

А потом бы построил себе огромную пирамиду,
Загубив сто тысяч рабов, сто тысяч веков.
И, лёжа в саркофаге, слушал и слушал себе» Аиду»,
В грядку вечности вросши, как репа или морковь.

И предавался не воспоминаниям- размышлениям.
Не о жизни и смерти, что всё — суета сует-
О том, что готику женских ног венчает свод вождения.
Но позднюю готику придумал уже не поэт.

«Попытка тоста...»

Попытка тоста
Когда умрём- обмен веществ-
Любых и разных — прекратится.
Пока среди живых существ-
Давайте пить и веселиться.

«Всё менее ретиво ретивое...»

Всё менее ретиво ретивое.
Кровь красная не так уже красна
Лишь одного: оставили б в покое
Хотел, хочу и, к счастью для меня,

Всё ж оставляют. Выхожу в дорогу,
Всё в тот же путь, что блещет и кремнист.
Дорога в никуда? Дорога к богу?
Кто скажет мне, какой криминалист?

«Капелька вечности на твоей ладони...»

Капелька вечности на твоей ладони:
Не то снежинка, не то звезда.

«Мимо Рязани и мимо Уфы...»

Мимо Рязани и мимо Уфы,
Мимо Самары и Сызрани мимо-
Поезд семьдесят первый. Увы! —
Богом от наших нашествий хранимый

Спит — почивает Миасс- городок,
Чмокнет губами спросонья Коломна
Словно мы дали кому-то зарок:
Без остановки, Кому вот? Не помним.

Сколько же трепетных, ласковых душ,
Ликом красивых и стройных ногами,
Мы прозевали, прошляпили- Куш,
Может быть, нам не хранимый богами.

Может, хранимый. Бумаги клочок-
Может, купе или, может, плацкарта-
Словно смеётся в лицо: " Дурачок!
В этой игре не бывает стандартов».

Сколько Офелий и сколько Джульетт,
Сколько несыгранных драм и комедий
Кануло в ночь, улетело в рассвет
Давеча, ранее часом, намердн...

С длинной прядкой, закрывшей глаза,
С толстой косой или рыжею чёлкой... —
Вовсе не мне обаяньем грозят,
Сея раздор в городах и посёлках.

Что помешало спокойно сойти,
Прыгнуть в проём уходящих перронов?
Нина, а может Наташа — прости!
Не поминай меня лихом, Алёна!

Спички ломая со зла, закурю,
Чтоб успокоить себя никотином.
Милая Света, тебя не люблю

И не тебя обожаю, Ирина.

Так вот теряем немало чудес:
В каждой- хоть что-то, хоть чьё-то, но чудо.
Троицк и Люберцы! Вы — моя песнь!
Город Самара- тебя не забуду!

«Как амфоры афинской горло...»

Как амфоры афинской горло,
Струясь к неба синеве,
В себя сжимая тело моря
И человеческой траве

Чернофигурную доверив
Борьбу титанов и богов,
Дном моря Леты дно измерив,
Как смертью- нежную любовь.

Музейным мраморным палатам
Соседство мидий предпочтя-
Эллады сон, певучий атом
Того, ахейского дождя.

«Один, один, но одиночество-...»

Один, один, но одиночество-
Как красное зерно граната.
И, если не содержит творчества-
То всё ж хранит покой в пенатах.

Привет тебе, о одиночество-
Благословение земное.
Не громогласное пророчество,
Пророчество совсем иное:

Цветок взрастает в зноя мареве,
Его дождями поливает.
А если не дождёмся зарева, —
То посочувствуем: бывает.

Но всё ж хранится в одиночестве
Возможность этого цветения.
Так воздадим за доблесть почести,
Как и положено растению.

«Допустим: влюбился, допустим, женился...»

Допустим: влюбился, допустим, женился
И годом позже ребёнок родился.

Дали общагу, потом квартиру:
Кухня, две спальни, ванна с сортиром.

Купил машину, построил дачу,
Завёл любовницу- родился мальчик.

На две семьи стал крутиться, как белка,
Встретил потом из провинции Элку.

Любовь до неба! — а лет уже- сорок,
Но, видно, еще какой-то был порох.

Тут все запутал, с женой развёлся,
Ещё ребёнок внебрачный нашёлся.

Было чудесно — стало прекрасно!
И в петлю голову сунул несчастный.

Судачили долго об этом коллеги:
«Я с ним согласился бы, будь он калекой

Или была бы серьёзной причина.
А жаль. Такой был видный мужчина!»

«Открыты шлюзы сна...»

Открыты шлюзы сна,
Сознание уносит
В тот заповедник тьмы,
Запретного,
Соблазна,
Цветут где ярко — красные кувшинки
На изумрудной, как огонь, воде.

«А если бы я женился на ней?..»

А если бы я женился на ней?
Но я ведь совсем не женился на ней!
Но я ведь женился совсем не на ней!

«Любитель книг...»

Любитель книг
Я завещаю тысячу томов.
Чем хуже это тысячи домов?

«Ворованное счастье дороже...»

Ворованное счастье дороже,
Потому что оно ворованное.
И лежит оно рядом всё же,
Мною до смерти зацелованное.

И лежит оно рядом всё же.
Приходящее- уходящее.
То, о чём ты просил: «О, боже!
Дай мне что-нибудь настоящее».

«Как будто знают многое про женщину...»

Как будто знают многое про женщину.
А кто-то утверждает даже: «Всё»
Но, как стихия вод морских изменчива,
Она в простор неведомый несёт.

Там ждут тебя чудесные открытия,
Прекрасные, как сказка, острова.
Там ждут тебя великие события —
Найди лишь для признания слова.

«Хочется никем не пройденных дорог...»

Хочется никем не пройденных дорог,
Хочется никем не целованных губ,
Хочется никем не написанных стихов,
Хочется впервые нарисованного неба,
Хочется впервые шумящего моря.
Хочется... — да мало ли чего хочется!

«Королевы твои постарели давно...»

Королевы твои постарели давно,
В винный камень твоё превратилось вино.

Уши ватой застлала тебе тишина
И небывшая снится ночами вина.

И тоскуя, тоскуя о чём-то своём,
Среди ночи во сне льёшь ты слёзы ручьём.

Жизнь прошла, как проходит гремющий состав,
Полустанок врасплох среди ночи застав.

И опять тишина, тишина, тишина...
Жить- не страшно, тем более- смерть не страшна.

«Быть может, признают потом...»

Быть может, признают потом
Быть может, быть может, быть может...
Признание- за животом.
Всё чохом, кагалом итожа,

Из камня поставят скрижаль;
Слезу крокодилью роняя,
Присудят: что поздно- то жаль.
А, может быть, и не признают.

«Время тает в часах электронных, в часах песочных...»

Время тает в часах электронных, в часах песочных.
Чем отличается время Ксеркса от времени Тамерлана?
Лишь шелестит на ветру пожелтевший жизни подстрочник,
Читанный теми уже и совсем не читанный нами.

«Может быть, от того покраснели уста...»

Может быть, от того покраснели уста,
Что кровь речи, вдруг хлынувшей горлом густа.
Ну, а мы всё забыли, нам теперь невдомёк —
«Было Слово вначале и Слово то — Бог».

«Пусть сияет твоя доброта...»

Пусть сияет твоя доброта,
Как апрельских подснежников очи.
Мягче света и музыки кротче
Пусть сияет твоя доброта.

В майском небе плывут облака,
В голубой акварели мерцая
И несильная эта рука
Всё насилье земли отрицает.

И покамест горят облака
На закате рубиновым светом...
Я об этом, и только об этом...
Невесома, как ветер, легка,

Ты идёшь, и твоя доброта
Оживляет пространства пустые.
Чтобы верили, чтобы любили
Пусть сияет твоя доброта.

«Пусть будет скромно, неприметно...»

Пусть будет скромно, неприметно,
Укроется от многих глаз.
Пусть даже будет безответно,
Один — единственный лишь раз.

Бутон цветущий, ароматный,
Таящий капельку росы.
Чтоб было всё без слов понятно,
Чтоб счастьем шелестеть невнятно
Через песочные часы.

«Я тебя не дёргал за косички...»

Я тебя не дёргал за косички,
За тобою не носил портфель.
И в помине не было привычки
Угощать конфетами: поверь,

Это всё от робости и только.
Ты строга, отважна, как Чапай.
За тебя и жизнь отдал бы Колька
Если что -всегда об этом знай.

«Всех снов холодные носы...»

Всех снов холодные носы
В ладонь мне тыкались устало,
Качались лунные весы,
Горели свечи вполнакала.

Звезда мигала мне с небес,
По льду из тьмы стучала рыба,
Весь в белом хлороформе, лес
Шептал невнятно мне: «Спасибо»

И плавилась моя душа,
И слёзы орошали очи.
Молчала вечность, не дыша,
И бой часов, средину ночи

Пробив, отнюдь не умолкал
И музыка не умолкала
Судьбы неведомых лекал
Познать значение алкала

Моя душа: из серебра
Визжали по небу полозья.
И ночь, строга и недобра,
Свисала с неба звёздной гроздью.

«Когда б я жалился Матвею...»

Когда б я жалился Матвею:
Лишён приязни, мол, небес.
И нёс ответно ахинею
Матвей с и кулаками лез,

И за грудки хватал; Елена
Нас не пыталась бы разнять,
Взяв суковатое полено,
Не стала бы она пенять,

Что мы, придя на день рожденья,
Испортили его Фоме.
И тот не пал бы на колени,
Иное схоронив в уме:

Мол, господа, чего же ради,
Побойтесь бога и жены.
И не поджала б губы Надя,
На всё глядя со стороны.

«Пусть говорят: любовь слепа...»

Пусть говорят: любовь слепа,
Но к счастью лишь одна тропа.

«Скажу, что ниже всякой критики...»

Скажу, что ниже всякой критики
Воры, путаны и политики.

«Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!..»

«Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!
Кто против этого? Кто за? Единогласно:»

«На сотни каратов мои жемчуга...»

На сотни каратов мои жемчуга,
Кроваво, как пламя, играют рубины.
А я пожалела зачем-то врага,
Зачем- то его называла любимым.

Зачем-то я сыпала зелье в бокал,
К нему посылала свои паланкины.
А он- моё сердце в отместку украл
И так же играл, как с сердцами другими.

А он мне смеялся открыто в лицо,
И в грязь- жемчуга, и под ноги- рубины.
Признаюсь: недаром он слыл храбрецом,
Любимый мой враг и соперник любимый.

Я всё бы стерпела. Но он изменил.
И небом он клялся обычной рабыне.
И час его смертный тогда наступил
С моею тоской и слезами моими.

И вот их уж нет. И не будет уже
И неба врата отворилась пред ними.
Но, плача, в своей я признала душе,
Что я бы хотела быть просто рабыней.

«В спираль закручена ракушка...»

В спираль закручена ракушка,
Зыбка медузы пелена.
И шепчет валунам на ушко
Совсем случайная волна.

И берег падает покато,
Невнятен голос глубины.
И всё меняется, пока ты
Свои досматриваешь сны.

«Я молю о бутонах глазастых...»

Я молю о бутонах глазастых
С сердцевинкой из огненной тьмы.
Чтоб глядели из огненной пасти
Лепесточки, тычинки и мы.

«В мою печаль крупинка света...»

В мою печаль крупинка света
Влетела, как песчинка в створ
Жемчужницы, и знойным летом
Наполнился души раствор:

И, обволакивая радость,
Рождая ясный перламутр,
Пришла ко мне моя награда
Из всех ночей, закатов, утр.

Хожу спокойно, осторожно
И в том, что зреет дорога
Хотя б уже сама возможность
Наполнить светом жемчуга.

«На заре ты её не буди» ...»

«На заре ты её не буди» —
Всё равно ты её не разбудишь.

«Скажи мне: от каких невзгод...»

Скажи мне: от каких невзгод
Распух твой маленький живот?

«Пришёл однажды мой сосед...»

Пришёл однажды мой сосед
И утащил велосипед
Однажды попросил утюг
Вернуть, как видно, недосуг
Просил крупу, печенье, чай
И все- как будто невзначай
Моей он удочкой рыбачит,
А это что-нибудь да значит
Моей он ложкой ест пельмени
И в чай кладёт моё варенье
Для дочки взял ночной горшок
Жене — стиральный порошок
Себе — костюм, трусы, подтяжки,
И, как всегда, вздыхает тяжко.
Он целит на мою машину,
Но ночью проколю я шины
Он хочет дачу и гараж
И постепенно входит в раж.
На кухне меряет метраж,
Унёс картину и витраж.
Он спит теперь с моей женою
И корчит рожи за спиною.
А я — смотрюсь в его трюмо
Убить? Но пахнет здесь тюрьмой.
Простить — но это выше сил.
Подумал — и жену простил.
Забрал гараж, забрал машину,
Трюмо, подтяжки и картину,
Утюг, трусы, велосипед.
Остался с носом мой сосед.

«На свете счастья нет» ...»

«На свете счастья нет» —
И не было, быть может.
Свой невесомый след
Запечатлей, прохожий,

В голубизне снегов
В прозрачной дымке мая.
Пусть не одна любовь
Печаль твою питает.

Пусть юности вослед
Спешит твоя дорога
«На свете счастья нет» —
Не сетуй, ради бога.

Будь добр и милосерд
К товарищам по бедам.
За горечью вослед
Идёт твоя победа.

«Как трещина по хрусталию...»

Как трещина по хрусталию,
Так молния по небосводу.
И только об одном молю:
Чтоб неба голубые воды

Опять сошлись, и синеву
Пронзило солнечное пламя
Ведь молнии лишь миг живут
Короче пауз меж словами.

«Какая песня за душою!..»

Какая песня за душою!
Какая песня за душой!
Ты стала сильной и большою,
Ты стала сильной и большою.

Я ветру отворяю ставни
И говорю тебе — лети!
Живи у ветра под руками,
Коль не убьют тебя в пути.

Как туча полонила небо,
Весь мир подлунный полони
И стань для страждущего хлебом
И смерти призрак обмани.

Какая песня за душою!
А я — то думал: грош цена.
Ты стала сильной и большою
И оторвалась от меня.

Я не держу. На крыльях ночи
Уходишь в свет и снова в ночь
А я помочь хотел бы очень,
Но чем тебе могу помочь?

«Закатом сожжёное небо...»

Закатом сожжёное небо,
Вечерних лесов алтари.
Любви потаенное древо,
Что пышно цветет до зари.

А утром — иная удача
И море обычных забот.
И нету здесь места ни плачу,
Ни песне. Уж как повезёт.

Здесь можно чего-то добиться,
Здесь можно чего-то хотеть.
А ночь — со звездой криница
И надо в ней плакать и петь.

«А мне б проснуться на рассвете...»

А мне б проснуться на рассвете,
И в полуяви- полусне
Почувствовать всей кожей ветер,
Почувствовать прохладу мне.

И, улыбнувшись в полумраке,
Пасть на подушку головой.
Ведь Одиссей плывет в Итаку,
И Пенелопа ждёт его.

«Нам за любовь дадут бессмертье боги...»

Нам за любовь дадут бессмертье боги
Блаженные счастливые года,
Когда душа — в гармонии с природой
И оттого прозрачна, как вода.

Когда глаза- синее небосвода
И в их тепле — уснувшая звезда.
Когда ветра о нас слагают оды
И, может быть, сонеты иногда.

«Я думаю — ах, о чём же? ...»

Я думаю — ах, о чём же? —
Запомнил ненароком.
Поэзия стала бомжем.
Изысканность слога Востока,

Живой говорливый язык
Европы- подрезана лонжа! —
Мы поздно родились старик.
Поэзия стала бомжем.

Костёр догоревшей души,
Мерцают во тьме уголечки
И все потихоньку ушли
А мы — исписались до точки.

Из горла и хрип, и нытьё:
Всё явь и не сон же, не сон же
Впадайте скорей в забытье,
Поэзия стала бомжем.

Бичи и бичёвки пера!
Где россыпи ваших талантов,
Ведь надобность в слове ушла,
В пучину неверия каньте.

А лучшее- сбейтесь в артель,
Бродить по дорогам вселенной
И пусть заметает метель,
И плачется зверь запаленный

Ведь это — родное для нас
И счастье поэта, и солнце
Вся твердь на поэте сошлась
И стала попутчицей бомжа.

Пустились в дорогу, вослед
Природа, пространство и время,
Чтоб душу свою отогреть,

А люди- пропащее племя.

«Я знаю, что неравна мена...»

Я знаю, что неравна мена
И что мой стёртый жалкий грош!
Ведь чувства первого цветенье
Ты мне с восторгом отдаешь.

«Иду по жизни, как по полю минному...»

Иду по жизни, как по полю минному:
Один неверный шаг — и всё. Аминь.
Есть в жизни всё — от пошлого до милого
И вязь понятных слов, и снов латынь

Есть мягкость, нежность, верность, милосердие,
Пушистые на сини облака
И грудь твоя в прицела перекрестие,
И бьющая без промаха рука.

«Вот бабочка — порхающий цветок...»

Вот бабочка — порхающий цветок
Нежней, светлей, чем ангела душа
Предчувствуя малейший ветра ток,
Растает в ярком воздухе, дрожа.

«Скучен плагиат, как ворованный воздух...»

Скучен плагиат, как ворованный воздух,
Грустен плагиат, как плакальщиц слёзы,

Скуден плагиат, как на зоне пайка,
Счастлив плагиат, как чужая байка

Где-то, мол, живут — молочные реки,
Сапоги не жмут, крашены веки.

Синева небес переходит в море.
Но чужая песнь — чужое ведь горе.

И чужая высь — чужое ведь небо.
Своему молись, хоть чёрному хлебу.

Своего ищи и крова, и слова.
Нету- не взыщи. Другого улова

На другой воде другою же сетью
Пробуй. Свет везде. Ты просто не встретил.

Ветер есть везде, где парус приметил.
На другой звезде такой же есть ветер.

На другом краю такой же вселенной,
Но в другом раю в десятом колене

Есть другой уклад и песни другие
На груди звенят мониста тугие,

Воздух знойный бьют упругие бедра.
Там тебя не ждут- но ты ведь не гордый.

«Всё тик-так...»

Всё тик-так
Потому что я — так-тик

«Порою комментарии к роману...»

«Порою комментарии к роману,
Намного интересней, чем роман» —
Ормузд с тем обратился к Ариману.
Что мог ему ответить Ариман?

«Для бедной мышки...»

Для бедной мышки
И белая кошка-
Не свет в окошке,
А чёрная кошка
Как тьма сторожка,
Острее зубы,
Когти как вилы
К тому же еще
И нечистая сила.

«Идёт весна...»

Идёт весна,
Растёт сосна,
Цветёт сирень,
Стою, как пень.
И, как баран на ворота,
Гляжу на та-та-та-та-та
А в синем небе облака
Почти, как в ледоход река.

«Сиял он надеждой...»

Сиял он надеждой,
Прятала она лицо.
Он снял одежду,
Она — обручальное кольцо.

«Я прощаю всех женщин, прошедших...»

Я прощаю всех женщин, прошедших
Через юность и песню мою.
Благодарен им всем бесконечно-
Славословий своих не таю.

Чем бы был я без ваших любовей,
Без капризов, без женских измен?
Я желаю добра и здоровья
И любви исключительно всем.

«Они сошлись: Кирпич и камень...»

Они сошлись: Кирпич и камень
Лопух и роза. Трут и пламень

Вино и пиво, газ и воды,
Шампунь и мыло, крем — и сода,

Лиса и заяц, Биттлз и АББА,
Рука и палец, полк и баба,

Крючок и рыба, рак и щука,
Палач и дыба, аз и буки,

Печаль и уксус, мёд и мишка,
Самец и мускус, рот и пышка,

Поэт и рифма, Блок и Тютчев,
Сатир и нимфа, рок и случай.

Бычок и тёлка, зной и стужа,
Сток и иголка, ещё к тому — же:

Бычки — с томатом, с дорогой — скатерть,
Признание — с матом, с деревней — лапоть.

С ворьём — малина, с собакой — кошка
С враньём — былина, пирог — с морошкой.

Ключи- с квартирой, малыш — с игрушкой
Простите, милый, но я не Пушкин

Пусть спор сей вечен — я знаю только
Из этой встречи не вышло толка.

«О молодости...»

О молодости

Я тогда разрывался на части
В жажде нежности, счастья, грехов.
Но остались стихи, а не счастье —
То, что всё-таки ниже стихов.

«Сказание о Ленине...»

Сказание о Ленине

А Ленин был из нашей деревушки:
Простой свинарки сын и пастуха.
Доныне умиляются старушки,
Что не имел с девушками греха.

Он их жалел и говорил: «Не я коль-
Так кто ж их пожалеет в жизни сей?»
Бросал с плота валун с верёвкой — якорь
И удочкой тягал он карасей.

В ночное ездил: он любил рассказы, —
Отцовы гены! — лошадей любил,
Боялся чура, черных кошек, сглаза
И медный крестик на груди носил.

Чтил масленицу, пост великий после,
Сворачивая в трубочку блины,
Макал их в масло. Если были гости —
Не вытирал он руки о штаны.

Ходил к причастью, и в законе божьем
Сильнейшим в школе был учеником
Любил ватрушки с молоком он козым —
И вообще со всяким молоком.

И, видя буку, говорил он: «Бука»,
И, видя бяку, говорил: «Говно».
Как атеист, он уважал науку.
И, как аскет, не уважал вино.

Не пил и не курил. Зарядку делал
И снегом обтирался по утрам
Не верил в бога, в диамат же верил —
Поскольку он его придумал сам.

Любил он собирать в лесу грибочки,
Солить и жарить с мясом и лучком.
И пел он «Варшавянку» с Кржижановским
Друг ситный Глеб и будущий нарком.

Любил вязать и вышивать на пяльцах,
Гаданье в святки, пляски, хоровод.
Любил не токмо над собой смеяться —
Аж надрывал животики народ.

Вот так он жил и в одночасье умер,
Ботвины с пирогами переев.
И звёзды по-другому в полнолунье
Вдруг встали, и совсем другой посев

Назначили земле: цветёт Россия,
Опричь неё и пять шестых земли.
Ульянова Володю все любили
И ни за что его б не нарекли

Ни Лениным, ни Ильиным — так сколько ж
Личин носил один лишь человек?
Он стадо собирал рожком на зорьке
И пригонял под вечер на ночлег.

«Во втором сериале...»

Во втором сериале
Ещё будет кино.
То, что недосказала-
Мне услышать дано.

То, что я недослышал-
Это ветер унёс.
Он срывает и крыши,
Что ж с признаний возьмёшь?

Во втором сериале
Ты полюбишь меня,
Как ещё не влюблялись
Верно, с одного дня

Что Ромео с Джульеттой!
Что с Изольдой Тристан!
Коль скользнуло кометой
По прекрасным устам

Слово: выдох, вбирая
То, что выдохнешь- вдох.
А потом повторяют
И пространство, и бог.

Заполняя пространство,
Восхитив божество,
Ослеплённая, в трансе,
Отдаёшь естество.

«Если поезд — значит скорый...»

Если поезд — значит скорый,
Коммунисты — значит воры.
1989г.

«Жить не по правде, не во лжи...»

Жить не по правде, не во лжи,
А так, как Нерли и Кизи.

«Любовь — на кисточке души...»

Любовь — на кисточке души,
На самой дальней, на излёте.
А то, чем на неё грешим-
То не любовь, желанье плоти.

«Валентина, точно птица...»

Валентина, точно птица,
Вся в кипящей синеве.
Смех весёлый на ресницах,
Как росинки на траве.

Валентина улыбнётся —
Покачнётся целый мир.
Валентина засмеётся —
В тридевятом царстве пир.

Так живу: то грусть, то радость.
То печаль, а то аж две.
Что-то будет мне наградой? —
Мысль мелькает в голове.

И уходит, точно тени.
В жаркий полдень облаков,
И бросает в жуть, в смятенье
Легкий цокот каблучков.

Моря синь в ажурной пене
Вся просвечена лучом.
А о чём стихотворенье?
Да, наверно, ни о чём.

«Весь мир казался мне с горошину...»

Весь мир казался мне с горошину,
Цветную каплю монпансье.
И сам я гостем был непрошеным,
В него вломившимся уже.

Мне нравились его абрисы,
Его явлений карнавал,
Мне нравились тела и лица,
Все те, кто в нём не унывал.

Мне нравились шуты, шутихи,
И рыцари, и короли,
Модистки, фрейлины, портнихи,
Сердолики и янтари.

И карнавалы, и обманы,
Базары, сводни и разврат,
Улыбки, пудры и румяна,
Зонты, алмазы и агат,

Мне нравились его восходы,
Мне нравился его закат,
Любая нравилась погода,
А дождь мне нравился стократ.

Мне нравилось под мокрым снегом,
Под градом нравилось вполне,
Мне нравились его ночлеги,
Его прогулки при луне.

Мне нравились его объятья,
Мне нравились его слова,
И сестры нравились, и братья,
Заливы, реки, острова.

Мне нравились его баркасы,
Его шаланды, корабли,
Мне смерти нравились гримасы,

Копейки, фунты и рубли.

И фантики, и ожерелья,
И старых литографий медь,
Мне нравились часы, недели.
И жизнь мне нравилась, и смерть.

Мне нравились его трактаты,
Конвенций грозные слова,
Метисы нравились, мулаты,
Невеста нравилась, вдова.

Вдовцы, священники, прелаты,
Архангелы и сам Творец.
И мир, распавшийся на атомы,
Чтоб стать единым наконец.

«Опять все пути замечает порошею...»

Опять все пути замечает порошею.
И в иное раннюю ранью трава.
И в сердце вползает неожиданно — непрошено,
Рождая желанные сердцу слова,

Любовь. О, как головы наши дурманила,
Однажды на нашу печаль снизойдя
И все обманула почти ожидания,
Быть может, чего-то и в нас не найдя.

Но как мы от горя неожиданного плакали,
Как души хотели свои отогреть.
И бредили ночью мы вещими знаками
Чтоб начисто к утру из сердца стереть.

Мы видели звёзды. Земными дорогами
Мы шли среди ранних и нежных годов
И звёзды мерцали для нас недотрогами,
Хоть мало мы знали тогда про любовь.

И ветрено было, и было студёно
И беды нас навзничь валили подчас.
Но чьё-то мерцало лицо удивлённо,
Маня и печалю, грустью и смеясь.

Опять все пути замечает порошею,
И в иное раннюю ранью трава.
Но где ж ты, родная? Но где ж ты, хорошая?
Кому я заветные прячу слова?

«Где-то было что-то хорошее ...»

Где-то было что-то хорошее —
Да уплыло как в речке вода.
То ли с неба звездой непрошеной
Отразилось в реке как звезда.

То ли снегом залётным и тающим
Чуть коснувшись горячей щеки.
То ли ангелом в небе рыдающим:
«Ну, какие же вы дураки!»

«Она плывёт, чуть облаков касаясь...»

Она плывёт, чуть облаков касаясь,
Кренясь всей плотью терпкою в полёте.
И краешками губ кому-то улыбаясь,
Что, верно, жгучи, как зубцы осота.

И пустота в распахнутых ладонях
Прольётся на кого-то благодатью:
Капризная, заплаканная, соня —
Короче, тайна за седьмой печатью.

Седьмое небо и седьмая бездна —
Поймай в таком паренье равновесье! —
Хоть спорь, хоть соглашайся — бесполезно
Хоть спорь, хоть соглашайся, человеке.

Не надо спорить- соглашаться надо
И целовать заплаканные очи.
И принимать капризы и досады
Как дождь, что хлещет среди тёмной ночи.

«Я изнанка добра. Серебра...»

Я изнанка добра. Серебра
Благородный и чистый отлив.
Тень и свет. Светотени игра.
То прилив, то отлив. Но порыв

Я к неведомым странным мирам-
Звёздным инеем ночи покрыты —
Но, как прежде, строга и мудра,
Но, как прежде, одна и без свиты.

Вечность. Вечности лики текут
Всё изменчиво, всё повторимо
Свет и тьма, перевитые в жгут,
Вдруг являют нам лики любимых

Но- пылинка в игре мировой,
Лишь частица космической бури-
Рад ничтожному: всё же живой
Среди вечной и юной лазури.

«Что же касается тенденций...»

Что же касается тенденций
Развития нашей милиции —
То лейтенант Шарапов
Окончательно проиграл
Капитану Жеглову.

«Такова изначально...»

Такова изначально
Суть — и, к слову, логична-
Осень года — печальна,
Осень жизни — трагична.

«Вопль диспетчера: «Что там?..»

Вопль диспетчера: «Что там?
Связь потеряна вновь!» —
Стюардессы с пилотом
Неземная любовь.

«Жизнь, вообще, загадка на загадке...»

Жизнь, вообще, загадка на загадке,
Хоть ясно: ты не царь и не герой.
С описками, без чистовой тетрадки,
Сплошные опечатки и накладки-
Зато как сладко плачется порой.

«Кое-что о башнях...»

Кое-что о башнях

Пизанская башня
Хочет упасть в мои объятия —
Никогда не поеду в Италию

На Эйфелевой башне
Есть металлическая сетка от самоубийц.
Конечно, смерть на миру красна,
Хотя остаются потом воронки.

Высотные башни — атавизм средневековья.
Когда разложат на них огни?

Каждая башня — неосознанное повторение Вавилона,
Но результат — как во время оно.

«Бог дал — бог взял...»

Бог дал — бог взял.
И снова дал — и снова взял.
И снова дал — и снова взял.
Не успеваешь щеки подставлять
И понимаешь — некуда бежать.

«Ночами хороша медитация словом...»

Ночами хороша медитация словом.
Иные её называют поэзией.
Что-то сродни астралу души.
Чёрная магия... белая магия...
Клубящийся джинн из горла кувшина,
Ветер безумия над жизни свечой
Маленькие веселые гномы,
Кующие серебряными молоточками
Пока ещё безымянные звёзды.
Чья-то прошедшая нежность,
Свиваемая в пряжу воспоминаний —
Мало чего дающее действо.
Но у тех, кто качает весы полнолуния,
Бессмертна иллюзия соловья.
И лунные ноты на небе юном
В экстазе развесит седая земля.

«Русское народное стихотворение...»

Русское народное стихотворение

Перепел перепил
Перепалка, Перепёлка
Перепила. Перепела
Перепили. Пера пыли
Переполох. Перепел: «Ох»

«Пушкин был великим негритянским поэтом...»

Пушкин был великим негритянским поэтом
Он лучше белых писал стихи
И за это они убили его.

«Сегодня ощутил впервые...»

Сегодня ощутил впервые,
Что в двадцать первом веке мы живём.
Заката краски здесь, как кровь, густые
В начале мая — реактивный гром!

Усталый ангел, как диспетчер сонный,
Координаты вносит на планшет.
И бес, как электрон неугомонный
Сливает компроматы в Интернет.

«Разве любим мы в девушке...»

Разве любим мы в девушке
Руки, ноги, глаза, нежные мочки ушей,
Грудь, впалый живот, бедра тугие как луки?
Не умолчу и про тайную прелесть красотки, —

Нет, мы любим все вместе.
Не будь какой-нибудь части,
Сильно наша любовь поубавится,
Вовсе, быть может, исчезнет.

«Я смотрю в высокое небо ...»

Я смотрю в высокое небо —
Как и прежде оно голубое.
Только всё ж без вина и хлеба
Для меня оно будто любое.

Я гляжу: цвет луны переменчив:
То шафранов, то желт, то янтарен.
Только что эти ночи без женщин?
К слову, так им за всё благодарен.

Море Чёрное, Желтое, Красное...
Мол, прощай, голубая стихия!
Я помногу пишу и про разное-
У меня по стихам ностальгия.

Нет чужих? — так чего же теряться-
Лей кириллицы вязь на бумагу.
Может, в классики выйду я, братцы.
А оттуда уж — дудки! Ни шагу!

«Тот, кто будет после меня-...»

Тот, кто будет после меня-
Тот уже будет после меня.
Как те, что были ещё до меня-
Все они были ещё до меня.
Я не ругаю, я не кляню.
В память ныряю, как будто в волну.
Там я хранюсь- лишь один негатив,
Все остальные тебе не простив.

«Тёмен крест, а пространство сияет...»

Тёмен крест, а пространство сияет,
Но милее душе чернота
Потому, что светлей не бывает
Почерневшего древа креста.

«Хочешь, тебя я вспомню...»

Хочешь, тебя я вспомню,
Умную и печальную.
Хочешь, тебе исполню
Песенку величальную.

Ты про меня забыла-
Нет ни письма, ни укора.
Карту судьба прикупила:
Проигрыш светит мне скоро.

Нет, я не плачусь, не жалюсь-
То же при мне, что вначале
Доверия детского малость,
Капелька мягкой печали.

Просто такой откровенной,
Чутче доверчивой птицы,
Я не встречал, к сожаленью-
Такая мне даже не снится.

Да, я тебя понимаю:
Хлопоты, муж и ребёнок.
Не напишу: обнимаю-
Всё же хоть в чём-то я тонок.

Просто две разных дороги:
Скатертью, счастьем, забвеньем.
Всё, что могу я — ей- богу! —
Это вот стихотворенье.

«Я — не гений, ты — не гений-...»

Я — не гений, ты — не гений-
В мире много совпадений.

«Я знаю: творцом мне не сбыться...»

Я знаю: творцом мне не сбыться
Песчинкою кануть в песок.
Но где-то на тайных страницах
Мой жребий, как небо, высок.

«Обещание...»

Обещание

Будем биться руками, губами,
Будем биться ногами и тем,
Что цензура не даст мне словами
Рассказать ни в одной из поэм.

«Это родина, родина наша-...»

Это родина, родина наша-
Этот скудный, неласковый край.
Пусть не лучше других и не краше,
Пусть совсем не похож он на рай.

Только здесь мы когда-то родились.
И впитали небес синеву.
Здесь такие нам дали открылись,
Что не встретишь во сне, наяву.

Заметает февральскою вьюгой
Эту степь, эти колки берёз.
И люблю их, как мать, как подругу
И светло, и печально- до слёз.

«Всегда, везде, в любые времена...»

Всегда, везде, в любые времена,
Как колокольни шпиль, есть имена:

Притягивают молнии и громы,
И есть болото: в ряске, полудрёме.

Есть лягушачий хор. И вечное ква-ква
Вот все их немудреные слова.

Лишь пересуды, свары и навет-
Вот весь их жизни простенькой секрет.

И лишь когда поют колокола-
Они едины; не хватает зла

Певцам болотным, И во все года
Чернят они, не ведая стыда,

Высокий гул, плывущий в небесах,
Посредственность у дара на часах,

Бессменная в любые времена.
Их кваканье носи, как ордена.

Ведь так? — прекрасной музыки полет
Для гор и для равнин- не для болот.

«Всё — мираж: и любовь, да и жизнь...»

Всё — мираж: и любовь, да и жизнь.
Всё- в пустыне, во тьме миражи.
Всё- пространств лобачевских кривизн
Загибанья, заверт, виражи.

Смерть уходит в понятие жизнь,
И мудрее, чем старец- дитя
И от этих дурацких кривизн
Я, как Мёбиус, гнусь, шелестя.

«Косматые мамонты в голубых пещерах...»

Косматые мамонты в голубых пещерах.
В звёздном стойбище боги молятся
Деревянной фигурке человека,
Мажут ему губы
Салом подстреленного ангела.
Время, слоистое, как графит:
Каменный век, бронзовый век,
Придумало для объяснения себя самое
Плутарха, Тацита.
И снова голубая волна,
Окаймлённая кружевной пеной,
Ударяет в берега Малой Азии.
Боги! Время родиться Гомеру!
Эллины! Время садиться в триремы!
Время вёслами вспенить море!
Время подвигов и время героев!
Время Аяксов и время Ахилла!
Время Патрокла и время Энея!
А красивую ложь о Елене
Пусть придумает старец Гомер.
Седой пепел веков
Падает на плечи вулканов,
Гром сражения
Растворяется в громе небесном,
И валуны печали
Катятся в долину забвения,
И ночная темнота
Наслаивается на дневной свет,
И на всех путях человека
Вырастает трава беспамятства,
Трава забвения.
Но не всё потеряно:
Ещё не родился Гомер.

«Наше сознание стало кубичным...»

Наше сознание стало кубичным:
Куб дома, куб комнаты, куб телевизора.
Все озаренья препарированы кодом двоичным,
Но человек не поднимет брошеного роботом вызова.

Всё мутирует в этом кислотном мире,
Озарённом не вспышкой зари, а вспышкой реактора.
Можешь не верить в ниндзя, не верить в вампиров,
Но трудно не верить уже в терминатора.

И всё подсознание твоё на экране дисплея
Что трудно себе самому объяснить- объяснит компьютер,
Пусть цепная реакция душу тебе согреет:
Альфа- частица- гроссфатер и бэтта- частица- гроссмуттер.

«Я многое помню...»

Я многое помню
Что было когда-то:
Зазубренность молний
Из ветра цитаты

Травы ликование,
Дождя шелестенье.
Не помню названий
Прекрасных растений.

Но помню на листиках
Каждую жилку
Ос ярких баллистику,
Их юную пылкость.

Их счастье: летать
Над цветами, гусаря
Их счастье: не знать,
Что за юностью- старость.

Звучит пусть наветом,
Но найду я средь вьюги
Труп рыцаря лета
В черно- желтой кольчуге.

«Выходит на орбиту мятежа...»

Выходит на орбиту мятежа
Возжаждавшая истины душа.

Как ненадежно- высока орбита-
Теперь уже не скажешь: " Извините».

Так бросив рай постылый и уют.
На света край с любимой бегут.

Так совершают из тюрьмы побег.
Так откровенно — сумасшедший смех

Даёт нам знать, что распахнулась дверь
И узника нельзя достать теперь.

Так всё сжигает до строки поэт,
Поняв, что совершенства в мире нет.

Так отпускают на свободу кровь
Забыть чтоб безнадежную любовь.

Благословляю пламя мятежа
Но отдаляю время платежа

Ещё смотрю на всё со стороны,
Ещё не в состоянии войны-

В неотвратимой череде шагов
Я чувствую дыхание богов.

Ещё не знаю: где она, черта?
Но губительно- маняща высота.

И руки, точно крылья, распластав,

Лечу, от жизни не моей устав.

«Обналичим любовь своих ближних...»

Обналичим любовь своих ближних,
Превратим её в осени медь.
Мы- поэты, а значит, из рыжих,
Нас исправит, наверное, смерть.

Непорочность невест обналичим,
Чтоб белей декабрём январь.
Кто окажется третьим не лишним,
Всё до капли другим раздарив?

И развесив зелёные флаги
Милосердной и честной весны,
Кровью сердца мараем бумагу,
Безрассудной химере верны.

И когда, непорочна, как ангел,
Ты взлетишь над моею судьбой-
Буду я умирать, как дворняга
На планете моей голубой.

И осыплются дни, точно листья,
Улетят, точно ветры, года
И застыну, горяч и неистов,
Перед словом простым: никогда.

«Быть нельзя ни в чем уверенным...»

Быть нельзя ни в чем уверенным,
Через снег и век скользя.
Но какой сияют верою
Ваши карие глаза.

И когда Вы улыбаетесь-
Рощи вымоет гроза.
Сердце счастьем загорается,
Как июньская роса.

«Ваши пальцы пахнут ладаном» —
Как сказал уже поэт.
Ничегошеньки не надо мне,
Но без Вас мне жизни нет.

И на Ваши плечи хрупкие
Рук своих я не кладу.
В лужах лёд хрустит скорлупкою
Не на радость, на беду.

Сердце птицей неприкаянной,
Заблудившейся в лесу.
Только я в игре отчаянной
Свое сердце не спасу.

И беда совсем с приметами:
Не сбываются они.
Лишь закаты за рассветами-
Так летят за днями дни.

Я б хотел назвать Вас милою-
Жизнь мне права не даёт.
Загудит над речкой стылою
Мой последний теплоход.

Сердце птицей неприкаянной,
Заблудившейся в лесу.
Подглядел зачем нечаянно

Вашу нежную красу?

«Издалека, издалека...»

Издалека, издалека
Издалека, из дальней дали,
Плывут, как вечность, облака
Среди немеркнувшей эмали-

Густой и плотной синевы,
Сияньем золота нагретой.
Куда плывут? Ни я, ни вы
Не знаем. И не знает ветер.

Но всё равно они плывут,
В страну мечтаний уплывая.
Но всё равно они зовут
Туда, где грусти не бывает.

Туда, где вспыхнула роса
Под солнца ласкою влюбленно,
Где синие озёр глаза
На небо смотрят удивлённо.

«Я разный, многомерный, многоликий...»

Я разный, многомерный, многоликий
Но в тыщах ликов- всё равно един
Хоть я- сарматский бог, степной и дикий,
Хоть- гармоничный древних Апеннин.

«Цветущие страны...»

Цветущие страны,
Которые цветут не для нас,
Великолепные города,
В которых мы никогда не будем;
Красивые женщины,
Которых мы никогда не будем любить.
И прекрасные, не имеющие конца дороги,
По которым мы будем идти целую вечность,
Пока нас не пожалеет
Великодушная, милосердная смерть.

«Радуга- дуга, над речкой мост...»

Радуга- дуга, над речкой мост
Разноцветный: красный, жёлтый, синий...
Мне всегда хотелось до слёз
Встретится на том мосту с Мариной.

Ослепительна, осиянна
Алым светом шестнадцати звезд.
Ни любви не узнав, ни обмана
Ты идёшь на меня в полный рост.

«Я, бывает, порой и сплеча рубаю...»

Я, бывает, порой и сплеча рубаю:
Чаще маты и реже гораздо рубаи.

«Светлая горошина луны...»

Светлая горошина луны
Катится по тёмно- синим тучам.
Слушай тишину ночную, путник.

«Гусару...»

Гусару

Сорили отвагой и златом,
Влюбляли в себя невзначай.
Под твёрдым и верным булатом
Кому-то шептали: «Прощай».

Но это детали и только.
Виньетка, заставка к судьбе.
А где-то прекрасная полька
Спешит на свиданье к тебе.

«И где-то там, у космонавта...»

И где-то там, у космонавта
За серо-голубым плечом
Уже осталось-представьте! —
Седьмое небо, и ручьем

В него вливается нирвана,
Кружится ангелочков рой!
По Библии и по Корану
Уже блаженствует герой.

Но нет: внимательные очи
Щитка приборов негу зрят
И бог доволен, между прочим,
Таким старанием ребят.

«Я повторяю вновь и вновь...»

Я повторяю вновь и вновь:
Беру в соавторы любовь.

«В дни поражений и побед...»

В дни поражений и побед
Храните к чести пиетет.

«А что у неё там было-...»

А что у неё там было-
Под свитера синим ворсом?
А что у неё там было-
Под юбки серой фланелью?
А что у неё там было-
Под черной кожей сапожек?
А что у неё там было-
Под глаз наивным прищуром?
А что у неё там было-
Под шлемом волос пушистых?
А что у неё там было-
Под точностью легких жестов,
Округлостью легких жестов.
Под плавностью легких жестов?
Да что вообще случилось?
И кто кого потерял?

«Грохочет копытами осень...»

Грохочет копытами осень
По звонкой, как снег, мостовой.
И неба случайная просинь
Пожухлой рядится травой.

Все осени триумvirаты:
И ветер, и хлад, и вода
Разят беспощадным булатом,
Стекая по лезвию златом,
По зелени красным ведя.

Летучей полны паутиной
Осенней поры воздуха,
И реки покрыты патиной,
До сердца дошедшею стынью
Уже ледяного стиха.

«Я, наверно, моллюск...»

Я, наверно, моллюск,
Прилетевший с далёкой планеты.
В каплю света вопьюсь,
Чтобы мне дотерпеть до рассвета.

Пузырёк кислорода поднимет
Прямо в самые волны меня.
И чужая стихия обнимет
Голубым постоянством огня.

Из созвездия Альфа Центавра
Не прощупает импульс меня.
А коснётся медуза муаром,
Красноватый мой бок оттеня.

И поднимутся чудища к свету
Посмотреть на скитальца миров.
А пока б дотерпеть до рассвета,
Слишком тропиков климат суров.

Я, привыкший к дыханию лавы,
К шевелящимся стонам огня,
Обручаюсь с медузы муаром,
Ярко — синей волною оплавлен,
Полонившей отныне меня.

И теперь постоянство свободы
Паче чаяний славы ценю,
Погружаясь в холодные воды,
Протянувшие гребни к огню.

«В семи меня купали водах...»

В семи меня купали водах
И жгли меня в семи кострах
Семь дней в семи своих погодах
И семь ночей, что на устах

Семи царей, ко мне взывали,
Но семь я раз не дал ответ.
И дам теперь его едва ли,
Всех страшных числ апологет.

«Был я бабкой на кону...»

Был я бабкой на кону
Накануне, накануне.
Битой выбили Луну-
Потому и полнолуние.

«Когда бежала ночь бесславно...»

Когда бежала ночь бесславно,
Когда ее поправил рассвет
Я вспоминал о самом главном,
Еще в объятиях тенет

Передрассветного покоя,
Передрассветной тишины,
Я что-то вспоминал такое,
Что кануло в заглазник тьмы.

Я что-то вспоминал такое,
О чём ещё не вспоминал
И щупал я со сна рукою
И этим память обрывал.

«Памяти Иосифа Бродского...»

Памяти Иосифа Бродского

Он был вчера- мы были все при нём
А он при нас- и было всё прекрасно
Но с этим високосным январём
Душа моя навеки не согласна.

Прощай, Иосиф. Пусть туманит взор
Зеркальное великолепье Леты-
Как пуст теперь открывшийся простор,
Хоть все просторы без людей нелепы.

Но если озарён твоим стихом-
Откуда он? — то выше понимания-
Молчал тогда, глотая в горле ком,
Прости за запоздалое признание.

И, как венок, печаль мою прими
Но в этот день природа вся печальна
Ведь там, из отплывающей ладьи,
Твоей руки чуть видное прощанье.

«Я люблю, обожаю мгновенья...»

Я люблю, обожаю мгновенья
Срыва в пропасть, сухого огня
И блаженства моих озарений
Непонятны ещё для меня.

Появляются легкие блики
И волненьем стесняется грудь
Ручеек невесомой музыки
Зажурчит, проторивши свой путь

И закапают рифмы, наречья,
Станут ближе и небо, и дол
И тогда, отодвинувши вечность,
И пишу я для вечности- в стол.

«Не помню, не помню, не помню...»

Не помню, не помню, не помню
Когда то есть в веке каком
Я был императору ровней
И выше его- дураком.

«Для поэта важна незадача...»

Для поэта важна незадача,
Нелюбовь, неуспех, непокой.
Если он не тоскует, не плачет,
Если слёзы не льёт он рекой, —

Настоящих стихов не напишет.
Грош ему, как поэту, цена
За печали с поэта не взыщут,
За спокойствие взыщут сполна.

«На селе не последний я парень...»

На селе не последний я парень.
И плечист, и собою пригож
Провожают девчата глазами.
Им по мне не вздыхать отчего ж.

Я — шофёр. Мне не надо другого:
То из рейса, то в рейс выезжать.
Лучше нет ничего, чем дорога
Было б только кому провожать

Вы уж зла не держите, девчата,
Но по сердцу мне только одна:
Ждёт она на гражданку солдата,
Потому что в него влюблена.

Никогда приставать я не стану,
Если знаю: меня здесь не ждут,
Всё, наверно, проходит с годами,
Только медленно годы идут.

И она ошибётся едва ли
И дожётся и счастлива вновь
Я сигналю, сигналю, сигналю
Я прошу: "Осторожно, любовь».

«Милая, чудесная...»

Милая, чудесная,
Всё хорошо.
Получим пенсию.
Откроем офф-шор.

«Ночами мне снятся аисты Японии...»

Ночами мне снятся аисты Японии,
Черно-белые, тонконогие, танцующие птицы,
И хризантема сердца моего,
Колеблемая нежными ветрами,
Плывёт в забвенье по теченью тьмы.

«И я знавал когда-то счастье...»

И я знавал когда-то счастье.
Неосвязаемо руками,
Оно крошилось на части,
Оно стекало ручейками.

И утекло, и раскрошилось...
Лишь память бледной позолотой
Как сердце под рукою билось,
Как губы жалили осотом,

Как раскатились годы- звенья
Как далеко ты укатилось
То полнозвучное мгновенье,
Что ото всех всегда таилось,

Что оживало в чутком взоре,
Мгновенном, второпях, объятьи
Неисчерпаемо, как море
Неистоцимо, как проклятье.

«Добро должно быть с кулаками» ...»

«Добро должно быть с кулаками» —
Как Тайсон- наповал! в упор!
Должно летать под облаками-
Как из люфтваффе1 Черномор.
1ВВС фашист. Германии

«Как штрафбат из окруженья...»

Как штрафбат из окруженья,
Пробиваюсь сквозь года,
Отметая ложь, сомненья,
Чью-то нежность иногда.

«Одни кончают безумьем...»

Одни кончают безумьем.
Другие теряют речь.
Не важно то, что ты умер:
Игра стоила свеч.

Взрывались звёзды, как порох,
Пространство текло, как ртуть.
Мир делят на злых и добрых,
Или ещё как-нибудь.

И тогда заигравшийся мальчик
Поймёт, что игре конец.
А он-то думал иначе,
Он верил в себя, стервец!

Окалину звёзд собирая
В шершавую, как пемза, ладонь,
Искал он ключи от рая,
Шептал он: " Моё, не тронь».

Но всё уже было чужое,
На щит находился меч,
Добрым не стало злое,
Но игра стоила свеч.

И, когда в безымянном пространстве
Проснулась от крика звезда
Замедленно, точно в трансе,
Живая текла вода.

А мертвой было немного
Походной баклажки на дне.
И он выпил её — ей- богу! -,
А надо бы выпить мне.

Если бы выпил сразу-
Тогда о чём бы и речь?
И это- конец рассказа,

Но игра стоила свеч.

«В миллионах светящихся саркофагов...»

В миллионах светящихся саркофагов
В стылой и нежной земле лежат
Их души, тонкие как бумага,
Давно попали в рай или в ад.

Тела- пособия по анатомии-
В гнилое дерево костями стучат,
Уже не помня болезни, агонии,
Выпустив весь разложения яд.

И ожидает небесного знака
Воинство, готовое давно в поход-
Сорванцы, бездельники, забияки,
Давно отпетый всеми народ.

О, с какой же радостью покинут узилища,
Гомонящей ринутся к свету толпой
Из земли ослепительно- чёрной и стынущей,
Матерински- доброй и всё же слепой.

Тогда не будет уже правительств,
Забудут все про страховку, налог.
Лишь много скелетов- бывшего свидетельств
И любящий всех одинаково бог.

«Первая встреча, она ж и последняя-...»

Первая встреча, она ж и последняя-
Печаль для поэта- забава наследная.

«Жёлтый наждак луны...»

Жёлтый наждак луны
О бархате тьмы мечтает

«В жизни много нагрели мы...»

В жизни много нагрели мы
В век железный, в век стальной.
Закрывались божьим именем-
Жили всё-таки с виной.

И живём мы, люди светские,
Той же мучаясь виной.
Ждём, когда пелёнки детские
Станут смертной пеленой.

«Постоянная битва за честь-...»

Постоянная битва за честь-
Это доля любого поэта.
Точно с неба дошедшая весть
Налагает на пошлости вето.

«Иногда бываю я великим...»

Иногда бываю я великим,
Вечности озонами дыша-
Главным образом, когда не вяжет лыка
Тело превозмогшая душа.

«В синем платье с жёлтыми цветами...»

В синем платье с жёлтыми цветами
Ты идёшь по краешку земли.
С тёмными и грустными глазами,
Жаждающими света и любви.

Полон я сочувствия, надежды:
Вместе мы осилим эту грусть,
Два в любви огромные невежды,
Ждущие больших прекрасных чувств.

Ты идёшь, качаясь как тростинка,
Ты идёшь- печальна и хрупка,
Щурясь на закат. Закат- картинка:
Огненная красная река.

А под ним — сапфировые реки,
Лес зелёный, жёлтые пески-
Всё, что нам подарит жизнь навеки,
Путанице судеб вопреки.

«Рискни поставить всё на карту...»

Рискни поставить всё на карту,
Своею головой рискни!
Не верят многие азарту-
Как ошибаются они!

Швырни на вздрогнувшую чашу
Свою судьбу, свою мечту.
И шанс ничтожнейший, редчайший
Твою докажет правоту.

Порой сильнее ума безумство,
Авось точнее, чем расчёт.
В том, может, высшее искусство,
Чтоб сделать всё наоборот.

«Ночь прекрасна, Уснула природа...»

Ночь прекрасна, Уснула природа.
В небе каждую видно звезду.
И луна посреди небосвода,
Как ярлык в Золотую Орду.

«Жизнь-мечтаний, надежд вернисаж-...»

Жизнь-мечтаний, надежд вернисаж-
Знойных Африк, клокочущих Азий.
Неужели и я- персонаж
Эротических чьих-то фантазий?

«Когда тонула Атлантида...»

Когда тонула Атлантида
Под волн безжалостной стопой,
То, в царство уходя Аида,
Всё ж оставались с тобой.

И эти храмы, эти рощи
Плодоносящие маслин,
И это небо — скажем проще:
Невыцветающий муслин.

«Разрывая пургу и пространство...»

Разрывая пургу и пространство
Через время идём наугад,
Гордецы, сорванцы, иностранцы,
Открывая последний парад

Гаснут звуки и рушится темень,
В мелких трещинах весь небосвод.
Мы- одни навсегда и со всеми,
Знаем всё и про всех наперёд.

И пушистые яркие звёзды,
Точно пчёлы, к нам в руки летят.
Как создать это было непросто
Миллионы столетий назад!

Пусть нам легче с придуманным богом-
Чем поможет бессмертному бог?
Пусть выходят нам горести боком-
Запасаемся ими мы впрок.

Пусть бушуют магнитные бури,
Пусть последний умрёт человек.
Мне неведомо: в чьей партитуре
Этот сердце взрывающий снег?

И когда континенты сползутся,
Хлынут воды- уже навсегда,
Звёзды в темень слепую сорвутся,
Чтоб исчезнуть уже без следа.

Только нам в этом славном походе
Век за веком брести наугад-
Отступить в арьергарде природы,
Хоть и гибнет всегда арьергард.

«Шатается ветер, как пьяный...»

Шатается ветер, как пьяный.
Как пьяный, шатается день.
И камешек сердцем стеклянным
Мне встретить уж больше не лень.

Ну, хватит! — зачем уклоняться? —
Пусть брызнет осколками всласть!
И надо того лишь бояться
Что могут в него не попасть

«Вот и смолкли великие души...»

Вот и смолкли великие души,
На забытом писав языке.
И заносит летейская стужа
Откровенья на влажном песке.

«Он пил...»

Он пил,
Писал стихи.
Он был,
А все ха-ха, хи- хи-

Всё выглядит потом
Полнейшей чепухой.
С забитым глиной ртом,
Не обрета покой,

Витает в тех краях,
Где пел он и любил.
Лишь ведаёт аллах,
Кого он там забыл.

«Честно и прямо...»

Честно и прямо
Спроси: «Зачем я живу?»
Кони ислама
Топчут буддизма траву.

И магендовид¹
Серебряным блеском слепит
Значит, жить стоит-
Так, Соломон и Давид?

В сердце кружится
Пусть крестовина окна-
Разные лица,
Но, все-таки, вера одна.

Дай, всемогущий,
Успокоенье душе-
Сад мой цветущий
Вянет и блекнет уже.

Вечного Слова
И перелетного сна-
Нет ведь иного
Всё ж у тебя для меня?
¹ еврейская религиозная эмблема
(и государства Израиль) — шестиконечная звезда.

«Быть может, памяти не стоит...»

Быть может, памяти не стоит
Мой сон- несбывшаяся быль.
По небу конь кругами ходит,
Взбивает голубую пыль.

Он сам- как голубое пламя,
Глаза- два голубых луча.
Но сон неведкий между нами,
И в этом сне горит свеча.

«Как устрица, захлопнется душа...»

Как устрица, захлопнется душа
Для темноты от солнечного света.
И будет, если сможет, в барышах,
Когда воображение поэта

Разбудит моря в ней голубизну
И ясное дыхание прибоя.
Скользнёт потом спокойно под волну,
С улыбкой соглашаясь на любое

Из тех наитий, коими полна
Душа- поэта несомненно! — Бога-
Она уже сиянием полна
И свет течёт из сумрака бывшего.

«Хорошо бы родиться испанцем...»

Хорошо бы родиться испанцем,
Хорошо бы родиться китайцем,
Изумлять перламутром и глянцем,
На красивой лошадке кататься.

Хорошо бы над фарфором тонким
Шелестеть веерами, шелками
Хорошо бы в плывущих потёмках
Сердца стук ощутить под руками.

И когда зазвенела б рапира,
Сталь рапиры надменно встречая,
Ты отдал бы весь мир- не полмира-
За восторг: этот звон не случаен.

Пусть Веласкеса кисть и Мурильо
О тебе никогда не расскажет-
Что не будет и то, что не было,
Воедино лишь музыка свяжет.

Пусть причудливы синие змеи,
Как драконы плывут облака.
Взгляд Горгоны со взглядом Медеи
В летаргию погрузят века.

С синим дымом кальяна восходит
В небывалые выси душа.
Что уходит и то, что приходит
Пусть придёт и уйдёт, не спеша.

Ибо то, что немило испанцу,
Никогда не полюбит китаец.
Дух воинственный бродит романский
Посреди азиатских ристалищ.

«Гадают всю ночь звездочёты...»

Гадают всю ночь звездочёты,
Колдуют всю ночь колдуны.
Кто спит без большого почёта-
Надеюсь: хотя бы вруны.

Пусть вам нагадает цыганка
Всё ту же большую любовь.
Но пули летят спозаранку,
И льётся живых ещё кровь.

Как жить в этом диком Бедламе
Ещё не сошедшим с ума?
Но скрипка играет упрямо
И свет зажигают дома.

«Замолви за меня словечко, Анна-...»

Замолви за меня словечко, Анна-
Любовь моя, умершая давно.
Авось, взмахнёт крылом пернатым ангел
И вылетит с добычею в окно.

«Как часто убегает по ночам...»

Как часто убегает по ночам
Душа из нас, как белка золотая.
И прыгает по неба кирпичам
И звёзды, словно ягоды, хватает.

И прячется порою за луну-
Наивная, беспечная шалунья-
Посмеиваясь: больше не вернусь,
Останусь в этой светлости латунной.

«Небеса возвращают долги-...»

Небеса возвращают долги-
Терем света не может иначе.
Но среди светоносной пурги
Чают всё же особой удачи.

Точно сердце лазурным крылом
Почему непонятно задето.
Всё без жалости бросив в былом,
Как в монахи уходят поэты.

«Отстрелялся и вышел в тираж...»

Отстрелялся и вышел в тираж.
Насовсем, навсегда отстрелялся.
И от радости ахнул тир аж.
Ну, а снайпер смеялся.

«Я- не поэт...»

Я- не поэт
Я- не поэт.
И не был никогда поэтом.
Я- не Ива”нов, и не Фет.
И хватит говорить об этом.

«Горб топорища весною розов-...»

Горб топорища весною розов-
Так мало ответов, так много вопросов.

«Жалко такую губить красоту...»

Жалко такую губить красоту.
Хоть Бог отвёл ей не лучшую роль.
Ну, улетай, улетай в высоту
Серая леди, изящная моль.

«И мне положена, наверное...»

И мне положена, наверное,
Частица света и тепла.
И мне положено, наверное,
Чтоб женщина меня ждала.

Чтоб волновалась, улыбалась,
Смотрелась в зеркала сосуд,
Где жили грусть, надежда, жалость,
Что нежностью всегда зовут.

«В этот город измена войти не должна...»

В этот город измена войти не должна.
В этот город измена не может прокрасться
И одна перед Богом и миром вина.
Он погибнет- Сивилле нельзя ошибаться.

Серой жостью волны прогибается путь,
Режут ножницы лодок упругое время.
Чайки в небе кричат лишь одно: " Не забудь» —
Постоянный рефрен бесконечной поэмы.

«Плывёт эскадра капитана Немо...»

Плывёт эскадра капитана Немо
В сиреневых, как вечность, небесах.
И стаи звёзд, мерцающие, дремлют,
Запутавшись в коралловых лесах.

Приливы и отливы совпадают
С дыханием приснившейся луны.
И то, чего, наверно, не бывает,
Мы всё же испытать обречены.

Не верим мы сбывающейся сказке,
Сияющей, как хаос первых дней,
Тьме этой, пузырящейся и вязкой,
И полной неопознанных теней.

«Немножко нежности возьми себе в запас...»

Немножко нежности возьми себе в запас,
Возьми себе в запас души частицу.
А больше, извини, я не припас.
А больше даст другой. Потом, а не сейчас.
Тот, что во тьме неведенья таится.

«Ломалась пополам ладья...»

Ломалась пополам ладья,
Влетая в каменное море.
Плескала звёздами бадья
С мадьяр живым огнём во взоре.

Трубила радостная печь,
Как Этна лаву извергая.
И ластился к кольчуге меч,
Её колечки прорубая.

А Таня всё жила, жила,
Совсем о встрече не мечтала.
И только горечи игла
Её царапала устало.

«Водой меж пальцев утекает Дарий...»

Водой меж пальцев утекает Дарий,
Горой повсюду высятся тела.
Меня в свой сумасшествия гербарий
Осенняя природа не взяла.

Зима уж подступает Александром.
Чуть раньше- позже чуть-своё возьмёт.
Как будто над бушующим Скамандром
Гефест свой обруч огненный куёт.

«Приснится же такое с похмела-...»

Приснится же такое с похмела-
А трезвому не то ещё приснится.
И ты, вздохнув спросонья: " О, алла!»,
Начнёшь рукою правою креститься.

«Не пожалейте Хлестакова...»

Не пожалейте Хлестакова,
А полюбите вы его-
Он врёт безудержно, толково,
Хоть не упустит своего.

Каков размах, когда ресурсы
Почти ничтожны! Для вранья
Родился он. Его искусству
Дивится вся вралей семья.

И даже Бомарше бессмертным
Одобен был наш Хлестаков
Да, он- обманщик, но поверьте:
В душе любой из нас таков.

«Да, стихи достаются недаром...»

Да, стихи достаются недаром.
Тяжело достаются стихи.
То пахнут вдруг безумья угаром,
То всплывут вдруг былые грехи.

То предсмертное в них, то в них стоны,
То в них кается ямбом душа,
То за счастьем пустая погоня,
То вдруг нет за душой ни гроша-

Пустота — Но из места пустого
Никогда ведь не вырастает сад
И ни слова порою- ни слова! -,
И ни слова порой невпопад.

«Я был качанием цветка...»

Я был качанием цветка
Над пропастью лазурной мая
Сгорали в пламени века,
Пока в неведение рука
Тянулася, не понимая,

Что рвать большого смысла нет,
Летали бронзовые пчёлы-
Мгновенной смерти силуэт
Сродни дыханию Эола.

Благоуханна и свежа
Пылала синью чаша мая.
И зябла сонная душа,
Цветок дыханьем обнимая.

«Размочи скупой сухарь вниманья...»

Размочи скупой сухарь вниманья
В пьяной, откровенной болтовне.
Если мы молчали по незнанию,
Правда поднимается в цене.

Расскажи — потом про всё забудет
Твой попутчик, добрый и бухой.
Ах, какой спасаемся мы, люди,
От тоски и горя чепухой!

«Всё засыпано белой золою зимы...»

Всё засыпано белой золою зимы.
Побелели не только деревья- и мы
Да, дружище, дружище, и мы побелели-
Неужели и мы, как земля, отгорели?

«Кипящей сепией, сангиной...»

Кипящей сепией, сангиной,
Ошеломительным мазком,
Застывшим словно звездный иней,
На рубеже уже таком,

Где тянет вечностью нетленной,
Где блекнет даже синева,
Где перед пойманным мгновеньем
Бессильны всякие слова.

«Хорошего враг- лучшее...»

Хорошего враг- лучшее,
Как кто-то из умных сказал.
Всё верно, но всё же не мучь его,
Напрасно чтоб он не страдал.

Хорошая всё же синица
И ей так уютно в руках.
А то, что тебе только снится,
Летает еще в облаках.

«Пусть намертво тиски капкана сжаты...»

Пусть намертво тиски капкана сжаты,
И пусть тебе ночами не до сна...
Но всё равно появится глашатай
И всем объявит, что пришла весна.

Пусть сладкая вливается свобода
В твою бедой истерзанную грудь.
Хоть ты о прошлом не напишешь оду,
Элегию сложить не забудь.

«Почти безумьем дыша...»

Почти безумьем дыша,
Чего-то жаждет душа-
То бубнов, то волн Мальстрема,
То просто карандаша.

То оттиск какой-то прозы,
На рот её пьяный похожий,
Тянущий, как присоска,
Любовь- и мороз по коже.

Какой-то давний, наивный.
Напев, быть может, и дивный,
Но дикий, как в поле колос,
Не ищущий больше ливня.

Как камень жаждет прохлады,
Как ждёт ожиданье досады.
И чей-то голос сквозь слезы
«Уже- говорит- не надо».

Так что же такое было
Рожденьем меж и могилой? —
Дыханьем свеча задута
И света не накопила.

Среди наркотических оргий
Лежал среди трупов в морге
И бил я, безумный, в бубен
И был я, как Рихард Зорге-

Посланцем живых среди мёртвых,
Наивных совсем и тёртых,
Мужчин, да и женщин тоже,
Любого- на выбор! — сорта.

Луна скукожилась в небе,
Ветра кружили без гнева.
Средь синих, как глаз твой, линий

Каких-то безумных напевов.

И плакал я, и смеялся
И миг один оставался
До самой последней точки,
Где мир во мраке терялся.

Бродил, лишенный покоя,
Огонь, «Да что же такое?»
Порой вопрошая то сено,
То дерево- с треском- любое.

Решения и проблемы
Уже, как кожа с экземой,
Встречались, сплетались в объятьи
Мертвящей, зудящей темы.

Побьют лепестки морозы,
Погубят страха невроты
То вечно живое чувство,
Те вечно прекрасные грёзы.

Как масло на сковородке,
Айсбергов белые лодки,
Плывут в горячий экватор,
Шатаясь, пьяной походкой.

И ветер, листву сдувая,
Уносит также трамваи
По желобам серых улиц,
И этих и тех забывая.

Рассветы, закаты, рассветы... —
Но шепчет: " Не это, не это»
Поэт. Взыскательней снобов
Не сыщете, чем поэты.

Но женское, сокровенное,
Уже количество энное
Отдавшись своим мужчинам,
Так ценит, так ждёт мгновенное

Чернила всё не кончаются.
Любые поэты отчаются:
Ведь больше чем вдохновенья
Чернил — и они стреляются.

Но всё же по воле рока
Плыву я в том же потоке,
Такой же, как белый парус,
Такой, как они, одинокий.

«Путь лирики- увы! — совсем не нов...»

Путь лирики- увы! — совсем не нов.
Ветхозаветен- Что же тут попишешь.
И, возлагая тысячный венок,
Ты той же страстью непритворной дышишь.

Ведь так же манит женщина тебя,
Как некогда Алкея и Катулла.
Как жить, не сострада, не любя
И не ревнуя той, что упорхнула?

Но всё ж мгновенье счастлив был и ты
Но не воскликнул: " Повторись мгновенье!" —
Живут ведь раз и чувства, и цветы,
Ведь просто невозможно повторенье.

«Живу не ради я наживы...»

Живу не ради я наживы,
Не ради славы, но живу.
А ради капельки наива,
Переходящей в синеву.

А ради чуточки печали
В высокий расставанья час
И чтобы так же провожали,
Как некогда встречали нас.

«Что поделаешь: жизнь коротка...»

Что поделаешь: жизнь коротка.
И с мгновением каждым короче.
Смерть ещё далека, далека,
Зацепить твоё тело не хочет.

А душа ведь бессмертна и так-
Лишь меняет свою оболочку.
Может жизнь для души- не пустяк.
Только вексель, что дан ей в рассрочку.

За него, безусловно, платить.
Чем? Любовью, печалью, стихами...
Даже душу продать, может быть,
Чтобы в срок расплатиться с долгами.

«Сто печалей, обид, расставаний...»

Сто печалей, обид, расставаний.
Время нижет на нитку любви.

«Звени, звени, струна...»

Звени, звени, струна,
Струись, струись, ручей,
Беги, беги волна
В простор чужой, ничей.

Дыши, дыши печаль,
Таись, таись душа.
И всё, чего не жаль,
Не стоит и гроша.

Дари мне новый день,
И радость, и покой.
Душе отрадна лень,
Текущая рукой.

Я — тоже этот день,
Я- тоже эта ночь.
Я-тоже эта тень,
Струющаяся прочь.

Пусть плоть твоих равнин
Рождает эхо гор.
Но если я один,
Что радует мой взор?

Пустынен небосвод,
Уставшему в пути.
И каждый день — как год
И веру не спасти.

И что мне до того
Какая в сердце блажь? —
Всего-то моего,
Что скажет карандаш.

Всего-то моего
Вот этот день и ночь-
Пылинка итога

И некому помочь.

«Одни стихи- как обещанье...»

Одни стихи- как обещанье,
Другие- перечень грехов.
Поэт! Молчи- твоё молчанье,
Дороже мне твоих стихов.

«Расплескала синеву ромашек...»

Расплескала синеву ромашек
Яркая зелёная трава.
Лето пью из ландышей рюмашек
И ищу заветные слова.

Сшиты дали с небосводом зноем,
И парит, парит который день.
И летит по радостному полю
Коршуна стремительная тень.

И звенит по жести трав кузнечик,
Кружится от счастья голова-
Дух теряя, в предвкушеньи встречи,
Я ищу заветные слова.

«Когда отгремели салюты...»

Когда отгремели салюты,
Окутала мир тишина,
Сказали живые наутро:
«Будь проклята эта война.»

А сколько погибло в сраженьях,
А сколько домой не придёт?
В невзгодах каких и мученьях,
Ковался тот памятный год!

И целая жизнь человечья
От той отделяет войны.
И снятся нам целую вечность
Совсем не военные сны.

«Заплатите налоги-...»

Заплатите налоги-
А не то протянете ноги.

«Ночь- это время котов...»

Ночь- это время котов,
Кот ко всему готов.
Охотится ночью кот-
Таким его создал Gott.

«В этом мире пустых обещаний...»

В этом мире пустых обещаний,
В этом мире ничтожных сует,
Признаю я лишь смерть и страданье-
Как и должен, наверно, поэт.

Но, влекомый надеждой на счастье,
Признаю- в высшей мере- мечту,
Потому, что в дожди и ненастье
Сердце верит в свою правоту;

Потому что забвенье былого-
Всё ж не лучший в грядущее мост
И вплетаю я в серость основы
Золотое сияние звёзд.

«Бабочка лета, яркая, пестроцветущая...»

Бабочка лета, яркая, пестроцветущая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.